

ДОМАШНИЕ ЛЮБИМЦЫ *в Средние века*

Quod appellatus quod muribus infestus sit. Hunc vulgus catum a captura vocant. Alii dicunt quod capiat idem. Nam tam acute cernit ut fulgur noctis tenebras super. Unde a grecis

Кэтлин Уокер-Микл
Домашние любимцы
в Средние века
Серия «Страдающее Средневековье»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74492256

Домашние любимцы в Средние века:

ISBN 9785002725076

Аннотация

В жизни средневекового человека животные присутствовали повсеместно: на них охотились, их ели, доили, стригли, на них ездили и пахали. Однако эта книга посвящена совершенно особой категории животных – питомцам, которых люди заводили лишь для того, чтобы те составляли им компанию. Они занимали привилегированное положение: их пускали туда, куда другим животным вход был запрещен, они спали в хозяйской постели, владельцы носили их на руках, кормили изысканной едой и нередко относились к ним с большим теплом и заботой, чем к большинству людей. При этом, в отличие от породистого коня или охотничьего сокола, которых тоже могли высоко ценить, от питомца часто не требовалось ничего, кроме как быть рядом и забавлять хозяина.

Масштабных исследований питомцев в Западной Европе Средних веков до сих пор не предпринималось. Перед вами

первая такая работа, написанная с опорой на разнообразные исторические, литературные и иконографические источники и раскрывающая, как жили питомцы, какими они были, кто их содержал и что мог рассказать о человеке его домашний любимец.

Содержание

Предисловие	11
1	14
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кэтлин Уокер-Микл

Домашние любимцы в Средние века

Знак информационной продукции (Федеральный закон
№ 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

Переводчик: *Екатерина Ракитина*

Научный редактор: *Елена Калмыкова, канд. ист. наук*

Редактор: *Наталья Нарциссова*

Издатель: *Павел Подкосов*

Руководитель проекта: *Мария Ведюшкина*

Арт-директор: *Юрий Буга*

Адаптация оригинальной обложки: *Денис Изотов*

Корректоры: *Марина Крыжановская, Татьяна Мёдингер*

Верстка: *Андрей Фоминов*

Иллюстрация на обложке: *фрагмент бестиария, XIII век,*
Англия

Источник: *Bodleian Libraries, University of Oxford*

© Kathleen Walker-Meikle, 2012

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2026

* * *

КЭТЛИН УОКЕР-МИКЛ

ДОМАШНИЕ ЛЮБИМЦЫ *в Средние века*

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва, 2026

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Эта книга была издана благодаря щедрой поддержке и гранту, предоставленному Лондонскому университету Фондом Изобель Торнли, а также гранту Фонда Скулуди в сотрудничестве с Институтом исторических исследований

Предисловие

В средневековой жизни животные присутствовали повсеместно. Люди охотились на них, ели их, доили, стригли, свеживали, на них ездили, пахали, их впрягали в повозки; их наделяли символическим значением, и эта символика работала в самых разных контекстах – от толкования Библии до геральдики. Однако моя книга посвящена домашним питомцам – животным, которых люди избирали лишь для того, чтобы те составляли им компанию.

Содержание питомцев – одна из самых удивительных форм взаимоотношений человека и животных. Питомца зачастую пускают туда, куда другим животным вход запрещен, ему позволен тесный физический контакт с хозяином (носят ли любимца на руках, или он спит в постели), его кормят изысканной едой и покупают для него специальные товары, вроде клеток и ошейников. К нему нередко относятся с большим теплом и заботой, чем к большинству хозяйских соплеменников – людей. К тому же, в отличие от породистого коня или сокола, которых тоже могли высоко ценить, от питомца никогда не требовалось ничего, кроме как быть рядом и забавлять хозяина.

Масштабных исследований домашних питомцев в Западной Европе Средних веков до сих пор не предпринималось. В обзорной литературе иногда упоминали о питомцах и уxo-

де за ними, но самой практике их содержания не уделяли внимания. На страницах книги я хочу пролить свет на эту практику и обратить внимание на свидетельства ее распространённости в период Средневековья, ссылаясь на разнообразные исторические, литературные и иконографические источники.

1

Средневековый питомец

Что такое питомец?

Питомец – это животное, которое человек держит в качестве компаньона. Животное становится питомцем лишь потому, что человек выбирает его на эту роль. В природе питомцев не существует. Таким образом, «питомец» – это искусственная, созданная человеком категория.

Хотя в этой книге я использую английское слово *pet*, в Средневековье равнозначного термина не существовало. В большинстве источников (как латинских, так и на народных языках) питомцев называют термином, определяющим видовую принадлежность, – собака (*canis*) или кошка (*muriceps*). Современное значение слова *pet* («домашний любимец») появилось лишь в XVI в., да и тогда лишь в Шотландии и северной Англии. Оксфордский словарь английского языка фиксирует первый случай такого употребления в 1539 г.: *for the keeping of certane Pettis* («для содержания определенных питомцев») – и в данном случае речь идет, помимо других животных, о попугаях и обезьянах¹.

¹ L. Spitzer, 'On the Etymology of Pet', *Language* 26:4 (1950), pp. 533–8. Это цы-

Согласно Оксфордскому словарю, питомец – это «животное (чаще всего домашнее или ручное), которое держат ради удовольствия или общения», но такое определение, вероятно, не вполне передает то, как это понимали в Средние века. Кит Томас в книге «Человек и природный мир: меняющееся отношение в Англии, 1500–1800» (Man and the Natural World: Changing Attitudes in England, 1500–1800) трактует «питомца» как животное, которое держат в доме, не едят и называют личным именем; эти полезные критерии применимы и к средневековым питомцам².

Питомцы размывают границы между животным и человеческим статусом. Их могут баловать и относиться к ним как к членам семьи. Их пускают в жилые помещения, кормят и ухаживают за ними с той же заботой, что и за людьми.

Хозяева привязываются к своим питомцам, но одного этого недостаточно, чтобы решить, можно ли отнести любимца к категории питомцев, поскольку в Средние века те же чувства владельцы могли питать и по отношению к другим

щественное, скорее всего, происходит от гэльского *peata* (прирученное животное). Ссылка из Оксфордского словаря английского языка: J. B. Paul, *Accounts of the Treasurer of Scotland*, VII (1900), p. 274.

² K. Thomas, *Man and the Natural World: Changing Attitudes in England, 1500–1800* (Oxford, 1996), pp. 112–15; L. Bodson, *L' Animal de compagnie: ses rôles et leurs motivations au regard de l'histoire* (Liège, 1997); A. Manning and J. Serpell, eds., *Animals in Human Society: Changing Perceptions* (London, 1994); E. A. Moore and L. M. Snyder, *Dogs and People in Social, Working, Economic or Symbolic Interaction* (Oxford, 2006); J. E. Salisbury, *The Beast Within: Animals in the Middle Ages* (London, 1994).

животным, в частности к тем, что использовались для развлечений на свежем воздухе: к ловчим птицам и особенно к лошадям, — их тоже окружали заботой и вниманием³. По этой причине я сосредоточилась на тех животных, которых держали в доме. Некоторые средневековые питомцы не отвечали и этому критерию, но он объясняет, почему подавляющее большинство домашних любимцев, встречающихся в этой книге, принадлежали женщинам, клирикам и ученым — всем тем, кто проводил больше времени в помещении. Таким образом, наличие питомцев могло служить и гендерным маркером, хотя разграничение было не всегда четким, и не следует сбрасывать со счетов светских мужчин, которые тоже держали дома животных.

Питомец не обязательно должен был быть маленьким, но это удобно, когда животное держат в доме и часто носят на руках. И многие термины, обозначающие собак-питомцев, подчеркивают их малый размер: *catulus* или *caniculus* в латыни, *chienet* в старофранцузском, *hiindchen* в средневерхненемецком, *whelp* или *small hound* в среднеанглийском, *cagnolo* или *cagnolino* в итальянском и *perillo* или *blanchet* в кастильском⁴.

³ P. Edwards, *Horse and Man in Early Modern England* (London, 2007).

⁴ L. Moessner, 'Dog – Man's Best Friend: A Study in Historical Lexicology', *English Historical Linguistics* 1992 = *Current Issues in Linguistic Theory* 113 (1992), pp. 208–18. L. Davidson, 'The Use of Blanchete in Juan Ruiz's Fable of the Ass and the Lap-Dog', *Romance Philology* 33 (1979), pp. 154–60 рассматривают кастильский термин *blanchete* и его связь со схожими терминами в других народных языках Ев-

Не имея иной функции, кроме как составлять человеку компанию, средневековые питомцы избегали участи других домашних животных: их не ели, не сдирали с них шкуру, не доили и не использовали для какой-либо работы (от пастушеской службы до охоты). Но, соответственно, они и не обладали особым юридическим статусом, что отмечал Уильям Ламбард в своем руководстве для мировых судей, *Eirenarcha* (1581): «Похищение собак любого вида, обезьян, попугаев, певчих птиц и прочих (хотя бы они и находились в доме) не считается преступлением: ибо все вышеупомянутые существуют лишь для удовольствия и не представляют никакой ценности»⁵.

Контраст между избалованными залюбленными питомцами и прочими домашними животными ярко показан в басне Марии Французской «Осел, пожелавший поиграть со своим хозяином»:

Один богач, как я читал,
Собачку [*chenet petit*] держал.
Он с ней резвился и играл —
Осел игру их увидал.

ропы.

⁵ William Lambard, *Eirenarcha or The Offices of the Justices of the Peace* (London, 1588), p. 278. Cf. E. Fudge, *Perceiving Animals: Humans and Beasts in early modern English Culture* (Urbana, IL, 2000), pp. 132–4. Фадж указывает на правовую проблему, связанную с питомцами: закон не признает их существование «не потому, что животные-компаньоны не существуют, а потому, что они не соответствуют юридическому представлению о том, для чего нужны животные».

Осел в душе прекрасно знал,
Что всяк собачку обожал —
Она, хозяину мила,
Дороже золота была.

Полагая, что превосходит собачку размером и добродетелями, осел решил вести себя как она и тем заслужить хозяйскую благосклонность. Однажды, увидев, как хозяин играет с собачкой, он приступил к исполнению плана: громко заревев, ударил хозяина копытами, подражая прыжкам собачки. Хозяин упал, и осел был жестоко наказан. Басня заканчивается тем, что осел возвращается в стойло, усвоив: плебеям не должно стремиться возвыситься⁶.

Средневековая теология традиционно учила, что домашние питомцы, как и все животные, лишены бессмертной души. Однако Аделард Батский (1080–1152) в своем трактате «Естественные вопросы» (*Quaestiones naturales*) утверждал, что животные все же обладают душой, поскольку способны чувствовать и различать, что желать, а чего избегать, а такое различие может существовать только в душе, но не в теле⁷. Позже идея о том, что животные обладают смертной душой, получила развитие в трудах Фомы Аквинского (1225–1274).

⁶ Marie de France, *Fables*, ed. and trans. H. Spiegel (Toronto, 1987), pp. 68–71. Басня озаглавлена *De l'asne ki volt jüer a sun seigneur*.

⁷ Adelard of Bath, *Conversations with his Nephew: On the Same and the Different, Questions on Natural Science, and on Birds*, ed. and trans. C. Burnett (Cambridge, 1998), pp. 110–17.

Для Аквината, как и для Аристотеля, души животных не бессмертны⁸. Он следовал Августину, полагавшему, что души животных лишены разума и потому исчезают после смерти. Тем не менее сомнения в наличии души у питомцев, судя по всему, не уменьшали ни щедро изливаемой на них любви, ни горя от их утраты.

Кто держал домашних питомцев?

В Средневековье питомцы часто выступали символом того, что хозяева живут в богатстве и роскоши, а то, как этих питомцев содержали, могло демонстрировать стремление хозяев подчеркнуть свой высокий социальный статус и похвастаться материальным благополучием. Однако не стоит сводить связь между наличием питомцев и принадлежностью к высшему классу исключительно к экономическим причинам или рассматривать наличие питомцев просто как прихоть тех, чьи базовые потребности уже удовлетворены⁹.

⁸ Thomas Aquinas, *Summa contra gentiles* (Madrid, 1967), pp. 665–71: book II, ch. 82 'Quod animae brutorum animalium non sunt immortales'. См. R. Sorabji, *Animal Minds and Human Morals: The Origins of the Western Debate* (Ithaca, NY, 1993) and P. G. Sobol, 'The Shadow of Reason: Explanations of Intelligent Animal Behaviour in the Thirteenth Century', *The Medieval World of Nature*, ed. J. Salisbury (New York, 1993), pp. 109–22.

⁹ J. A. Serpell, *In the Company of Animals* (Oxford, 1986), part II, ch. 4 ('Pets in Tribal Societies'), esp. p. 53, рассматривает некоторые случаи содержания питомцев в обществах, живущих на уровне прожиточного минимума, и приходит к выводу, что «наличие питомцев у так называемых “примитивных” народов пред-

Другие животные, о которых заботились – прежде всего породистые лошади, охотничьи собаки и соколы, – требовали внимания обученных зрителей и содержались в специально построенных помещениях (конюшнях, псарнях или соколятнях). Питомцы же, в отличие от них, редко выходили за пределы дома, а если и покидали его, то чаще под присмотром – как правило, чтобы порезвиться в огороженном саду или отправиться на более дальнюю прогулку на руках у хозяина.

В высоком и позднем Средневековье человека можно было охарактеризовать, исходя из того, какое животное он держит. Подавляющее большинство владельцев питомцев составляли женщины и клирики (как простое духовенство, так и монашествующие). Некоторые светские мужчины тоже заводили домашних любимцев, но в целом предпочитали животных, обладавших теми чертами, которые их хозяева хотели бы продемонстрировать миру: силой, преданностью и свирепостью. От питомцев дам и клириков не требовалось ни выполнения особых задач, ни определенных врожденных качеств – ничего, кроме роли компаньона. Вместо преданности – нежная привязанность, вместо агрессивности и силы – способность развлекать и забавлять. Питомцам, как и их хозяевам, не нужно было «сражаться» за место в этом мире. Поскольку множество женщин и клириков держали до-

ставляет проблему для тех, кто предпочитает считать такое поведение... побочным продуктом западного загнивания и буржуазной сентиментальности».

машинных любимцев, те стали маркерами идентичности этих групп как в общественной, так и в частной сфере. Будучи частью повседневной жизни владельцев и участвуя во многих их занятиях, питомцы становились составляющей их образа. Изображения хозяев с питомцами предоставляют многочисленные свидетельства: владение домашним животным было тесно связано с принадлежностью к определенной группе.

Средневековые питомцы, как и их владельцы, не принадлежали к «внешнему» миру, который был уделом светских женатых мужчин. «Внешний» образ жизни предполагал сражения и охоту, а ни в том ни в другом женщины и клирики участвовать не должны были. Подразумевалось, что они, напротив, пребывали в ограниченном «внутреннем» пространстве. И хоть многие клирики, включая епископов, папских легатов, странствующих монахов и студентов, на самом деле выходили в мир, эти выходы не складывались во «внешний» образ жизни. Несмотря на то что некоторые клирики пренебрегали каноническим запретом на охоту, само существование такого запрета подчеркивало, что охота была частью образа жизни, который им вести не следовало¹⁰. Многие светские женщины также охотились, но при этом на них налагались ограничения: им, к примеру, разрешалось использовать только определенных птиц (таких как маленький ястреб), и

¹⁰ Канон 15 Четвертого Латеранского собора (1215) воспрещал клирикам охоту, содержание охотничьих собак и ловчих птиц. N. P. Tanner, ed., *Decrees of the Ecumenical Councils* (London, 1990) vol. 1, p. 243.

действовали они под строгим присмотром.

Еще одним показателем различий в сферах деятельности как хозяев, так и питомцев служит заметная разница в размерах животных, принадлежавших светским мужчинам, с одной стороны, и женщинам и клирикам – с другой. Миниатюрные размеры питомцев исключали большинство функций, кроме роли компаньона, хотя некоторые виды выполняли и другие задачи – например, кошки избавляли дом от грызунов.

В неоднозначности гендерных категорий есть логика, ведь клирики, в силу целибата, фактически представляли собой «третий пол». Поскольку брак и сражение – традиционные маркеры мужественности – были клирикам недоступны, они являли собой еще одну категорию гендерной идентичности¹¹.

В древнеирландских правовых текстах питомцы-собаки ассоциируются с женщинами высокого статуса. В трактате *Críth Gablach* (VII в.) говорится, что у землевладельца должна быть охотничья собака, а у его жены – комнатная. Другой правовой текст упоминает кошек, которых женщины держали в доме, позволяя им спать в специальных корзинах или на подушке на кровати. Собаку-питомца в ирландских текстах обычно называют *messán*, уменьшительным от слова *mess*,

¹¹ S. Salih, *Versions of Virginity in Late Medieval England* (Cambridge, 2001), esp. pp. 2 and 17; M. Rubin, "The Person in the Form: Medieval Challenges to Bodily "Order", in *Framing Medieval Bodies*, ed. S. Kay and M. Rubin (Manchester, 1994), pp. 100–22.

«любимец». Кроме того, текст связывает владение такими собаками с определенным «родом занятий»: врач, арфистка, королева, содержатель гостевого дома (*briugu*)¹². Тот факт, что все мужские профессии, представителям которых можно было заводить питомцев, относятся к невоинским, иллюстрирует связь между наличием домашних любимцев и гендером.

Однако эти нормы не были жесткими. Питомцы часто встречаются в рассказах о представителях королевских семей обоего пола. Король Кастилии Альфонсо X Мудрый (1221–1284) держал домашнего хорька и даже сочинил кантигу¹³ о своем любимце: «Маленький зверек, который так любил короля»¹⁴. В городах питомцев держали как мужчины, так и женщины. Существует экземпляр¹⁵ конца XIV в., порицающий адвоката за чрезмерную привязанность к своим собачкам. Адвокат любит только своих собак и спит с

¹² См.: F. Kelly, *Early Irish Farming: A Study Based Mainly on the Law-Texts of the 7th and 8th Centuries AD* (Dublin, 1997), esp. pp. 120–2, and F. McCormick, 'The Domesticated Cat in Early Christian and Medieval Ireland', *Keimelia: Studies in Medieval Archaeology and History in Memory of Tom Delaney*, ed. P. F. Wallace (Galway, 1988), pp. 218–28.

¹³ Поэтический жанр, распространенный на Пиренейском полуострове в XIII–XIV вв. – *Здесь и далее прим. научного редактора, если не указано иное.*

¹⁴ Alfonso X, *Cantigas de Santa Maria*, ed W. Mettmann (Coimbra, 1959–72), vol. 3, pp. 257–8 (no. 354). Привязанность короля выражена следующими словами: 'Este pesar foi por hua bestiola que muit' amava el Rei'.

¹⁵ Буквально «пример» – жанр средневековой литературы с выраженной дидактической функцией.

ними в одной постели. Его находят мертвым жена и клиенты; собаки, оставшиеся после его смерти без еды, предают его – их застают за поеданием его трупа¹⁶. Та же тема неразумности чрезмерной любви к питомцам встречается в экземпляме против женщин, держащих дома животных. Иллюстрация в манускрипте начала XIII в. *Chirurgia* изображает хирурга с весами в руках и собачкой на коленях; в итальянском экземпляме начала XV в. врачи посещают пациентов в сопровождении ручной обезьянки¹⁷.

К XV в. содержание домашних питомцев стало «хорошим тоном» среди ученых и тех, кто стремился добиться признания на этой стезе. Питомцы выступали распространенным мотивом в описаниях светских ученых, в иконографии, стихах и письмах. И хотя было бы излишним упрощением утверждать, что искусство и литература просто подражали

¹⁶ London, British Library, Ms. Cotton Cleopatra D.VIII, fol. 115r. Манускрипт относится к позднему XV в. Содержание см.: H. L. Ward, *Catalogue of Romances in the Department of Manuscripts in the British Museum* (London, 1883), pp. 200 and 249. Уард описывает манускрипт как «собрание нравоучительных историй, моральных предписаний и т. п., взятых в основном из латинской *Vitae Patrum*». Приведенный экземплум цитируется Уардом, vol. 3, p. 641, no. 25.

¹⁷ Cambridge, Trinity College, Ms. 0.1.20 [I, 53], fol. 265r, '*Chirurgia*' (возможно, авторства Роберта Пармского), манускрипт относится к первой половине XIII в. См. также: T. Hunt, *The Medieval Surgery* (Woodbridge, 1992), pp. 76–7. В упомянутом фолио (265r) приводится рецепт мази и есть иллюстрация с изображением аптечного шкафчика с рядами банок, трав, пестов и котелком. Собачка в манускрипте окрашена в желтый цвет. Экземплум о докторе и обезьянке хранится в Лондоне, British Library, Add. Ms. 11872, fol. 89 [с. 1400, Italian]. Cf. Ward, *Catalogue of Romances*, vol. 3, p. 694, n. 30.

жизни, имеющиеся свидетельства все же подразумевают, что питомцы не были просто художественным и литературным образом, а составляли привычную часть быта ученых.

Часто считается, что массовым социальным явлением содержание питомцев стало лишь в раннее Новое время. Хотя большинство средневековых источников сосредоточено на высших слоях общества, изображая питомцев как развлечение, популярное среди знати и богатых купеческих кругов, такие свидетельства не означают, что практика содержания домашних питомцев ограничивалась лишь этими классами¹⁸.

Виды питомцев

Несмотря на то что питомцем могло стать любое животное, некоторые виды выбирали для этой цели чаще прочих. Наибольшей популярностью пользовались маленькие собаки; среди других предпочитаемых видов были кошки, обезьяны, певчие и говорящие птицы, белки, хорьки и кролики¹⁹.

¹⁸ Thomas, *Man and the Natural World*, pp. 109–10; B. Boehrer, 'Shylock and the Rise of the Household Pet: Thinking Social Exclusion in the Merchant of Venice', *Shakespeare Quarterly* 50:2 (1999), pp. 152–70; and C. Gómez-Centurión, 'Chamber Animals at the Spanish Court during the Eighteenth Century', *The Court Historian* 16:1 (2011), pp. 43–65.

¹⁹ Общий обзор видов см: J. Clutton-Brock, *Domesticated Animals from Early Times* (London, 1981), pp. 34–45 (собаки), 106–12 (кошки) and 145–9 (хорьки и

Собаки²⁰

Обычно отличительной чертой питомцев-собак был их небольшой размер, а не принадлежность к той или иной породе. Единственная определенная порода комнатных собак, упоминаемая в источниках, – это мелкие курносые длинношерстные (обычно белые) мелитейцы, обильно представленные в иконографии знатных дам. Термин «мелитеец» восходит к классической Античности, когда считалось, что такие собаки происходят с острова Мальта. У раннехристианского автора Климента Александрийского (ок. 150–215 гг.) встречается предвосхищающая средневековую критику избалованных питомцев жалоба на женщин, которые «пренебрегают целомудренной вдовой, чья ценность гораздо выше, чем у мелитейского щенка»²¹. Однако источники, указыва-

кролики). См. также: R. Delort, *Les Animaux ont une histoire* (Paris, 1993).

²⁰ Две превосходные статьи, позволяющие составить общее представление: S. Menache, 'Dogs: God's Worst Enemies?', *Society and Animals*, 5:1 (1997), pp. 23–44, and S. Menache, 'Dogs and Human Beings: A Story of Friendship', *Society and Animals* 6:1 (1998), pp. 67–86.

²¹ Clement of Alexandria, *Paidogogos*, book 3, ch. 4. Поэт Марциал написал гекдекасиллабический стих на смерть такой собаки по кличке Исса (*Epigrams*, I.109). О собаках-питомцах в Античности см.: J. M. C. Toynbee, *Animals in Roman Life and Art* (Baltimore, 1996), pp. 108–22; F. D. Lazenby, 'Greek and Roman Household Pets', *The Classical Journal* 44:5 (1949), pp. 299–307; and T. P. O'Connor, 'Pets and pests in medieval and Roman Britain', *Mammal Review* 22 (1992), pp. 107–13.

ющие на прямую линию разведения этих собак от Античности до Средневековья, не обнаружены, и к Средним векам термин мог использоваться для обозначения любой комнатной собаки, особенно если она обладала длинной белой шерстью. В иконографии позднего Средневековья мелитейцы в целом выглядят как представители породной группы бишонов²², но это спорно, поскольку изображения собак редко сопровождалось письменными описаниями, а большинство источников ограничивались прилагательными, указывающими на размер, цвет и длину шерсти животного. К тому же мелких спаниелей также часто называли мелитейцами, отчего возникает еще больше путаницы. Собачки, изображенные на

²² Дезире Скотт, историк выставки «Крафтс», определяет породную группу как «группу собак, обладающих некоторыми сходствами во внешности и поведении, которая становится основой для выведения одной или нескольких пород собак». Это понятие охватывает более широкую группу, чем современная порода, которую доктор Скотт определяет как «популяцию животных одного вида, которая может отличаться от других популяций этого вида по некоторым заметным характеристикам, определяемым генетически, но официально признается породой регистрирующим органом благодаря их общему происхождению от одной группы основателей. Официальное разделение популяции может привести к созданию новых пород. Решение регистрирующего органа может позволить включить в реестр породы неродственных особей». Для сравнения: определение породы у Клаттон-Брока в книге *Domesticated Animals from Early Times* (с. 41) звучит так: «Порода – это группа животных, отобранных человеком для обладания единым внешним видом, который наследуется и отличает ее от других групп животных внутри того же вида». Средневековые породные группы и породы собак отличались значительным фенотипическим разнообразием, часто имея лишь несколько общих физических характеристик. Огромная благодарность доктору Скотт за помощь в этом вопросе.

серии гобеленов конца XV в. «Дама с единорогом»²³, хранящихся в Национальном музее Средневековья в Париже, – яркий пример «мелитейского» типа. На гобелене «О моем единственном желании» (*À mon seul désir*) длинношерстная белая собака сидит лицом к зрителю на расшитой подушке, лежащей на скамье рядом с дамой. На другом гобелене серии – «Вкус» (*Le Goût*) – такая же длинношерстная белая собака стоит на шлейфе платья дамы, глядя на нее снизу вверх²⁴. На иллюминированной буквице из итальянского хорала XV в. (ныне хранится в Музее Виктории и Альберта) одна из таких собак играет с сидящей на цепи ручной обезьянкой возле царя Давида (илл. 12).

Среди охотничьих пород, популярных в качестве питомцев, встречались всевозможные разновидности спаниелей, чаще небольшого размера, а также мелкие гончие, такие как бракк²⁵. Вопреки общему правилу, согласно которому предпочтение отдавалось собакам небольшого размера, борзых тоже заводили в качестве питомцев. В иконографии чаще встречаются животные белого окраса, но это может быть просто художественной условностью. Собаки были самых разных окрасов – коричневые, пегие, черные, пятнистые и

²³ Серия из шести гобеленов, созданных во Фландрии около 1500 г. и посвященных органам чувств.

²⁴ См.: A. Erlande-Bran denburg, *La Dame à la licorne* (Paris, 1978).

²⁵ См.: J. Cummins, *The Hound and the Hawk: The Art of Medieval Hunting* (London, 2001), p. 47.

рыжие. Шерсть их могла быть гладкой или кудрявой, нос – приплюснутым, округлым или заостренным. Убедиться в этом можно на примере манускрипта начала XVI в. из собрания Британской библиотеки, где показана генеалогия королевских домов Испании и Португалии. На миниатюрах вместе с хозяевами изображены разнообразные питомцы: на одном листе донья Иньега держит гладкошерстную белую собачку, на другом донья Констанса гладит коричневую, кудрявую и лохматую; у доньи Эрмесенды на коленях серая длинношерстная собака, а у доньи Изабель на руках крохотная коричневая²⁶.

Говоря о типах собак, следует помнить, что их обычно классифицировали по назначению и породы тогда разграничивались гораздо менее строго, чем сейчас. Джон Кайус в своей основополагающей работе об английских собаках *De canibus Britannicis* (1570) делит их на «род благородный, работающий по дичи», «домашний род, способный к различным необходимым делам» и «род дворняжек, годный для

²⁶ London, British Library, Add. Ms. 12531, fols. 4r и 5r датируются ок. 1530 г. В этом манускрипте есть и другие питомцы: на листе 5r Донья Инес держит маленькую птицу, а неизвестная дама в верхнем правом углу листа – птицу в клетке. На листе 10r изображена донья Констанса с другой собакой, на этот раз с маленькой серой длинношерстной, такой же, как та, что была у доньи Эрмесенды на листе 5r. По всему манускрипту рядом с дамами изображены многочисленные обезьяны, птицы и другие мелкие животные. Лист 4 приводится в: T. Kren and S. McKendrick, *Illuminating the Renaissance: The Triumph of Flemish Manuscript Painting in Europe* (London, 2003), p. 461, все приведенные листы доступны на сайте Британской библиотеки.

всяких забав»²⁷. Охотничьих собак он подразделяет на предназначенных для работы по зверю и по птице. В его список охотничьих пород, работающих по зверю, вошли «харьер, терьер, бладохунд, борзая, грейхаунд, лейнер или лаймер, барсучья собака» и нелающая «ночная собака»; по птице – чаще всего пятнистые «спаньель, сеттер, водяной спаньель или ищейка» и «ловец».

От двух категорий охотничьих собак, среди которых все «благородны», Кайус переходит к собакам, которых держат как питомцев: «наши английские собаки третьего благородного рода», «изящные, опрятные и милые, называемые спаниелями нежными, или утешителями» (мелитеец или фотор). Назвав прародиной этих собак Мальту, он описывает их природу, игривую и праздную, предназначенную исключительно для общения и развлечения:

Собачки сии малы, прелестны, благодравны и изящны, их заводят в угоду утонченным и изысканным дамам и ради капризов легкомысленных женщин, как орудия суетности, дабы играть с ними и бездельничать, попусту растрачивая драгоценное время, отвлекать ум от более достойных занятий и тешить порочное пристрастие к пустым забавам (затратное ухищрение, призванное прогнать скуку праздности).

После долгих рассуждений о бесполезности и избалован-

²⁷ John Caius, *Of Englishe Dogges: The Diversities, the Names, the Natures, and the Properties*, trans. A. Fleming (1578). Цитаты приводятся по переводу Флеминга.

ности этих собак Кайус предпринимает попытку найти «добродетель, которая остается у нежного спаниеля, иначе именуемого утешителем». Он обращается к традиционному поверью, согласно которому маленькие собаки, если прижать их к животу, «хороши, чтобы смягчить болезнь желудка, почему их часто и прикладывают как предохранительный пластырь, или носят на груди люди больные и слабые; таковое полезное воздействие оказывает их умеренный жар». В заключение он заявляет, что таких собак-питомцев в целом называют *Canis delicatus* и роль их – «домашний компаньон», «приятный товарищ по играм» и «милый червячок».

Товия с собакой у ног исцеляет слепоту отца (из книги «Рифмованная Библия» Якоба ван Марланта. Утрехт, 1332 г.)²⁸

Среди остальных английских собак Кайус упоминает рабочих псов, к которым относятся «мастиф, или цепной пес», «сторожевая» (охранная собака), «мясницкая собака», «мо-

²⁸ Товия с собакой у ног. The Hague, Museum Meermanno, MS 10 B 21, fol. 89v.

лосс», «собака-посыльный», которая «носит с места на место письма, хитро упрятанные в ее кожаный ошейник», «лунник» (собака, которая лает на луну), «водонос» (вращает вал колодца), «пес медника» (носит на спине ведра лудильщика) и «собаки-защитники». В завершение Кайус перечисляет низшие виды собак, «смешанного и подлого рода»: «предупреждающий» (который просто лает), «вращатель» (вращает вертел на кухнях) и «танцор» (дрессированная собака, танцующая под музыку). Разница между «приятным товарищем по играм» – комнатной собачкой – и «смешанным и подлым родом» ясно видна в комедии Шекспира «Два веронца», когда Протей хочет послать Сильвии собачку как «маленькое сокровище». Его слуга Ланс теряет комнатную собачку и подменяет ее своей собакой Крабом, «дворнягой», – провальная затея²⁹

²⁹ Shakespeare, *Two Gentlemen of Verona*, Act 4, scenes 2 and 4. См. также: B. Bohrer, *Shakespeare among the Animals* (Basingstoke, 2002).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.